

В. М. СОЛНЦЕВ

ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о наличии частей речи в китайском языке

Почти все советские синологи-лингвисты и подавляющее большинство китайских языковедов (как это показала происходившая недавно в Китае дискуссия о частях речи¹) считают, что в китайском языке имеются части речи, т. е. что китайские слова распадаются на большие группы или классы, различающиеся по своим грамматическим свойствам и признакам². Все исследователи при этом исходят прежде всего из самого факта существования различий между группами слов.

В самом деле, при ознакомлении с функционированием китайских слов в речи сразу же бросается в глаза, что, например, слова *цяньби* «карандаш», *чжоузы* «стол», *даодэ* «мораль», *ицзянь* «мнение, замечание», *хэцзошэ* «кооператив», *фуцинь* «отец», *шитоу* «камень», *кэсюэ* «наука», *цзоцзя* «писатель» и т. д. употребляются иначе, чем, например, слова *цзюу* «идти», *сяо* «смеяться», *каньцзянь* «увидеть», *погуай* «разрушать» и т. п.

Слова первой группы за немногими исключениями³ в современном китайском языке не могут употребляться в роли сказуемого (без связки)⁴. Отрицание *бу* не ставится непосредственно перед словами этой группы (также за исключением немногих особых случаев): между отрицанием *бу* и словами данной группы обязательно должна стоять связка *ши*⁵. Далее, определения к словам первой группы, выраженные словами второй группы, а также словами и выражениями со значениями места, времени, образа действия, присоединяются, как правило, только при помощи морфемы *ды*. Слова разбираемой группы могут соединяться с послелогоми (*чжоузы-шан* «на столе»), иметь перед собой числительные-

¹ См. об этом В. М. Солнцев, Проблема частей речи в китайском языке и работах лингвистов Китая, ВП, 1955, № 6.

² Этой же точки зрения придерживается известный польский лингвист Я. Хмелевский. См.: J. Chmielowski, Zagadnienie tzw. części mowy w języku chińskim, «Rozprawy Komisji orientalistycznej [Towarzystwa naukowego warszawskiego]», № 4, Warszawa, 1952; о г о ж е, Zagadnienie tzw. części mowy w języku chińskim (II), «Rozprawy Komisji językowej, Łódzkiego towarzystwa naukowego», t. I, Łódź, 1954 (последняя статья особенно интересна тем, что в ней прослеживается история классов слов в китайском языке).

³ См. А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I, М.—Л., 1952, стр. 71; см. также журн. «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), 1952, октябрь (№ 4), стр. 42.

⁴ См. А. А. Драгунов, указ. соч., стр. 8—9.

⁵ От синтаксического употребления отрицания, о котором здесь идет речь, следует отличать употребление отрицания в роли своеобразного словообразовательного префикса: *кэсюэ* «наука», *бужэсюэ* «ненаучный», *даодэ* «мораль», *буддаодэ* «аморальный» и т. п.

определения с так называемыми счетно-указательными морфемами¹ (*саньчжан чжоузы* «три стола»). Когда слова этой группы выполняют функцию подлежащего, сказуемое при них может быть выражено или при помощи слов второй группы, или посредством связки, или словами с качественным значением. К словам первой группы никогда не присоединяются морфемы *ла*, *чжо*, *го*, *цилай* и т. п. Лишь так называемое фразовое *ла*, употребляющееся в конце предложения (с любым сказуемым), может оказаться непосредственно после слова первой группы, если само такое слово стоит в конце предложения. Например: *гайюн фаньзесин гу ихоу, цю кэи цзяньча саньбай гун ли хоу ды ганцай ла* «...после введения радиоактивного кобальта стало возможным исследовать сталь толщиной в 300 мм» (из журнала «Тэши шоуцэ», 1955 г., № 6). Перечень подобных отличительных особенностей слов первой группы можно было бы продолжать и дальше.

Слова второй группы по своим свойствам существенно отличаются от слов разобранной группы. Так, например, эти слова в функции сказуемого употребляются, как правило, без связки, а отрицание *бу* ставится непосредственно перед ними². Определения, представляющие собой слова и выражения со значением места, времени, образа действия, при словах разбираемой группы не имеют в своем составе морфемы *ды* (*цунцзянь каньцзянь* «прежде видел», *хужань шо* «внезапно сказал» и т. п.). Морфема *ды* не присоединяется и в тех случаях, когда слова второй группы выступают в качестве определений к словам этой же группы (например, *сяочжо шо* «смеясь, говорит»). Далее, слова второй группы не могут употребляться с послелогоми, иметь перед собой числительные-определения и счетно-указательные морфемы. Когда слова второй группы выполняют функцию подлежащего, сказуемое может быть выражено или при помощи связки, или словами с качественным значением и не может выражаться при помощи слов этой же второй группы. Слова второй группы в отличие от слов первой свободно соединяются с морфемами *ла*, *чжо*, *го*, *цилай* и т. п. Наконец, при сопоставлении слов первой и второй групп бросается в глаза различие в их типовых значениях. Все слова первой группы, независимо от своего частного, конкретного значения, независимо от того, обозначают ли они конкретные предметы (*чжоузы* «стола») или абстрактные понятия (*даодэ* «мораль»), имеют значение предметности. Наоборот, все слова второй группы, независимо от своего частного, конкретного значения, независимо от того, обозначают ли они конкретные физические действия (*цзоу* «идти») или же ощущения и переживания (*па* «бояться», *хайсю* «стыдиться»), имеют значение действия, процесса.

Можно выделить и еще одну группу слов: *хао* «хороший», *да* «большой», *гао* «высокий», *ганьцзин* «чистый» и т. п. Эти слова по ряду своих свойств сходны со словами второй группы. Как и слова второй группы, они могут без связки выражать сказуемое (*ишан ганьцзин* «белье чистое»), непосредственно соединяться с отрицанием *бу*³ (*бу да* «не большой»), не могут сочетаться с послелогоми, иметь перед собой в качестве определений числительные и счетно-указательные морфемы. Когда они употребляются в качестве подлежащего, сказуемое при них может быть выражено

¹ Счетно-указательные морфемы иначе называют «единицами измерения», а также «суффиксами-классификаторами», «счетными словами» и иногда «аффиксами единичности».

² Если повторить слово второй группы, вставив между повторяющимися словами отрицание *бу*, то возникнет значение вопроса, что не случается со словами первой группы (ср. *юаньцэ бу юаньцэ* «принципы или не принципы» и *цзоу бу цзоу* «пойдешь или нет?»).

³ При повторении слова этой группы со вставкой отрицания *бу* возникает значение вопросительности: *хао бу хао?* «хорош ли?».

но при помощи либо связки, либо слов с качественным значением (т. е. слов этой же третьей группы) и не может выражаться словами со значением действия (вторая группа). Слова третьей группы могут свободно соединяться с морфемами *цилай* и *ла*; но гораздо реже и далеко не все слова этой группы соединяются с морфемами *чжо*, *го*.

Однако, наряду с перечисленными свойствами, которые сходны со свойствами второй группы, слова третьей группы обладают рядом своих особенностей. Они не требуют, подобно словам второй группы, обязательного наличия после себя морфемы *ды*, когда употребляются в качестве определений к словам первой группы (*хао жэнь* «хороший человек»; ср. *похуй ды чжоцзы* «сломанный стол»), т. е. в этом отношении ведут себя аналогично словам первой группы (ср. *кэсюе юаньцзэ* «принципы науки», «научные принципы»). Морфемы *ла* и *цилай*, будучи присоединены к словам этой третьей группы, всегда дают только одно значение «стать таким-то». Например, *да* «большой» — *дала*, *дацилай* «стать большим», «увеличиться»; *ганьцзин* «сухой» — *ганьцзинцилай* «стать сухим», «просохнуть» и т. п. Иначе говоря, присоединение морфем *ла* и *цилай* к словам этой группы влечет за собой во всех случаях появление значения «становления качества». Присоединение же этих морфем к словам второй группы дает значение завершенности, а в случае с *цилай*, кроме того, — значение начала действия и некоторые другие оттенки. Далее, сказуемое, выраженное словами третьей группы, часто имеет значение сравнения или сопоставления, что не свойственно сказуемому, выраженному словами второй группы. Например, *цзю жэнь яоцзинь* «спасти человека важнее».

Многим словам третьей группы, как и ряду слов первой и второй групп, свойственно явление редупликации¹. Например, *ганьгань—цзинцзин* «чистый-чистый», «весьма чистый», *жэнь-жэнь* «каждый человек» (дословно: «человек-человек»); *шанлянь-шанлянь* «посоветоваться». Из примеров видно, что редупликация служит для выражения различных значений в зависимости от того, к какой группе относится данное слово: повтор слов первой группы дает значение «каждый, все»; повтор слов второй группы дает значение однократности, единичного действия²; повтор же слов третьей группы дает значение интенсификации качества. Различия наблюдаются и в структуре редуплицированных слов: при удвоении двусложных слов второй группы слово удваивается целиком (*шанлянь-шанлянь*), а при удвоении двусложных слов третьей группы удваивается каждый компонент (*гань-гань—цзин-цзин*)³. Наконец, нужно отметить, что слова третьей группы обозначают не предметы и действия, а качественные признаки.

Если сопоставить перечисленные особенности слов трех указанных групп⁴, нельзя не заметить, что каждая из групп обладает своей совокупностью особенностей. Даже когда налицо внешнее сходство некоторых из этих особенностей, они в словах каждой из трех групп имеют

¹ Мы не касемся здесь ономастикоэпитетических слов, которые обычно бывают построены по принципу повтора.

² См.: Ван Ли, *Чжунго синдай юйфа* (Грамматика современного китайского языка), т. I, Шанхай, 1947, стр. 326; Юй Минь, *Изменение формы слова и грамматическая среда, «Чжунго юйфань»*, 1954, октябрь (№ 28). См. также Б. Исаенко, Н. Коротков, И. Советов-Чэнь, *Учебник китайского языка*, под ред. Н. Н. Короткова, М., 1954.

³ Юй Минь (в указ. статье) подчеркивает, что отдельные формы повтора, совпадая у разных частей речи, выражают разные значения.

⁴ Здесь приведены лишь некоторые бросающиеся в глаза особенности, подмеченные и описанные в китайской лингвистической литературе и работах советских и зарубежных синологов-лингвистов.

различное содержание и служат для выражения различных значений. Так, например, когда при повторении слова первой группы между компонентами оказывается отрицание *бу*, значение вопроса не имеет места (*бу гуань шаммо — хэцзошэ бу хэцзошэ* «кооператив или не кооператив — не имеет значения»); если же во внешне аналогичной конструкции участвуют слова второй или третьей группы, это значение может возникнуть (*цзоу бу цзоу* «пойдешь ли?»; *хао бу хао* «хорош ли?»). К словам и второй, и третьей групп могут быть присоединены морфемы *ла* и *цилай*, но при этом лишь в пределах слов третьей группы возникает значение «стать таким-то»¹. Слова как второй, так и третьей групп выражают сказуемое без помощи связки, но лишь сказуемое, выраженное словами третьей группы, может обладать значением сравнения или сопоставления. Наконец, прием редупликации, присущий (в разной мере и с разными конструктивными особенностями) словам всех трех групп, в пределах каждой группы служит для выражения совершенно различных значений.

Все указанные факты дают основания говорить о наличии в китайском языке трех больших групп слов, по ряду признаков отличных друг от друга. Перечисляя эти признаки, мы вслед за проф. Люй Шу-сяном² пока не уточняли, какова их природа: синтаксическая или морфологическая. Очевидно, многие из признаков являются безусловно синтаксическими (например, способность выступать в роли бессвязочного сказуемого, соединимость с отрицаниями), некоторые же, возможно, являются морфологическими. Сейчас для нас важно другое, а именно, что все они — г р а м м а т и ч е с к и е п р и з н а к и, поскольку характеризуют не отдельные слова, а большие группы слов, внутри которых имеются различные по своему конкретному значению слова.

Можем ли мы, на основании этих признаков, называть перечисленные группы слов ч а с т я м и р е ч и и считать слова первой группы с у щ е с т в и т е л ь н ы м и, слова второй группы г л а г о л а м и, слова третьей группы п р и л а г а т е л ь н ы м и?³

Если в качестве отправного пункта взять определение частей речи, изложенное в статье П. С. Кузнецова «Грамматика»⁴, и считать это определение исчерпывающим, а главное — обязательным для языков разных систем, в том числе и для китайского языка, придется сделать заключение, что многие из перечисленных выше признаков не могут характеризовать указанные группы или классы слов как части речи, поскольку эти признаки в большинстве своем не относятся к области словоизменения. Между тем факт существования грамматических различий между указанными группами слов в китайском языке налицо. Остается поэтому либо придумать какое-то особое название для этих групп слов, либо

¹ Заметим еще, что перед словами второй и третьей групп могут стоять модальные глаголы (*нан* «мочь», *хуэй* «мочь» и т. п.). При этом сочетание модального глагола со словами третьей группы всегда дает значение «мочь быть, стать таким-то». Например, *та хуэй чжэцмо хуту ма?* дословно: «он может быть таким глупым?» (пример проф. Люй Шу-сяна; см. ниже сноску 2).

² См. Люй Шу-сян, Некоторые принципиальные проблемы частей речи в китайском языке, «Чжунго юйвэнь», 1954, сентябрь (№ 27).

³ Мы пока не касаемся проблемы так называемого использования одного слова в функциях разных частей речи. Затрагивая известное количество слов (но далеко не большинство их), эта проблема осложняет классификацию слов по частям речи. Из этих соображений мы остановимся на ней ниже.

⁴ См. БСЭ², т. 12, стр. 426: «Под частями речи понимаются классы слов, характеризующиеся определенными морфологическими признаками, т. е. определенными, свойственными каждому данному классу (части речи) и отличающими его от других классов (частей речи) грамматическими категориями, выраженными в изменении слова». Приводим определение П. С. Кузнецова потому, что именно на это определение опирается проф. Гао Мин-кай — один из немногих китайских лингвистов нашего времени, отрицающих наличие в китайском языке частей речи.

признать, что формулировки, подобные той, которую дал для частей речи П. С. Кузнецов, не являются исчерпывающими и обязательными для всех языков.

Как известно, в советском языкознании имеются и иные определения частей речи. Так, акад. Л. В. Щерба, характеризуя части речи, писал: «Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: „изменяемость“ слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова и т. д. и т. д.»¹. Такое определение исходит из учета не только изменяемости слов, но и других грамматических особенностей слов.

Точка зрения на части речи как на классы слов, которые отличаются друг от друга по своим самым различным грамматическим свойствам, в советском Китае последовательно проводилась в работах А. А. Драгунова². Сейчас, как известно, те же воззрения развивают и отстаивают большинство китайских лингвистов. Одни из них, как, например, проф. Люй Шу-сян³, исходят непосредственно из учета совокупности различий слов, не разграничивая их на синтаксические или морфологические; другие, как, например, Вэнь Лянь и Ху Фу, заявляя, что «при разграничении частей речи... надо исходить из морфологии», затем расширяют понятие морфологии и включают в нее такие синтаксические явления, как взаимосвязь слов, их сочетаемость, порядок слов и т. д., т. е. фактически принимают в расчет всякого рода грамматические признаки⁴.

Синтаксические и морфологические признаки частей речи

Считая наличие словоизменения обязательным условием для существования в языке частей речи, проф. Гао Мин-кай исходит из того, что значение части речи есть обобщенное значение слова, имеющееся в нем наряду с конкретным. Для выражения значения части речи требуется особая часть звуковой оболочки слова, «специальная форма», указывающая на принадлежность слова к той или иной категории⁵. Поскольку же в китайском языке, по мнению Гао Мин-кай, такой «формы» нет, постольку нет и частей речи, хотя слова сами по себе обладают определенными значениями и выполняют различные функции в предложении.

Нельзя не согласиться с тем, что значение части речи (например, значение «существительного») есть обобщенное значение слова, присущее ему наряду с конкретным. Справедливо и то, что парадигма изменения слова (если она имеется) свидетельствует о наличии в данном слове значения части речи. Однако утверждать, что для выражения обобщенного значения слова обязательно требуется какая-то часть его звуковой оболочки (иными словами — его формальная часть), на наш взгляд, — значит полагать, что лексическое значение обязательно выражается в одной части слова (скажем, в корне), а общее грамматическое значение части речи параллельно выражается в другой части слова (допустим, в аффиксе). В таком случае придется признать, что аффикс является носителем значения части речи. Однако общепризнано, что аффикс сам

¹ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 6.

² См. А. А. Драгунов, указ. соч., а также Е. и А. Драгуновы, Части речи в китайском языке, сб. «Советское языкознание», т. III, Л., 1937.

³ См. Люй Шу-сян, указ. соч.

⁴ См. Вэнь Лянь и Ху Фу, Части речи в китайском языке [перевод с китайск.], ВЯ, 1955, № 3, стр. 62, 63—64, 70.

⁵ См. Гао Мин-кай, Проблема частей речи в китайском языке [перевод с китайск.], ВЯ, 1955, № 3.

по себе ничего не выражает и имеет значение лишь как часть слова. С другой стороны, во многих языках имеются классы неизменяемых слов, вообще не обладающих какими-либо формантами, и тем не менее они все же являются ч а с т я м и р е ч и, т. е. характеризуются общим грамматическим значением и определенными формальными (синтаксическими) признаками. Такой частью речи является, например, наречие в русском языке (ср. *наизусть, всмятку, пора, кругом, быстро*). Спрашивается, какая часть звуковой оболочки слова *наизусть* указывает на его значение как части речи? В действительности оказывается, что грамматическое и лексическое в слове как бы растворены одно в другом, слиты воедино.

Но если значение части речи органически слито с лексическим значением, то присутствие первого в слове вовсе не обязательно должно выявляться за счет какого-либо форманта слова. Наличие значения ч а с т и р е ч и в слове обнаруживается в е г о п о в е д е н и и в р е ч и, и в том, что этому слову присущи свойства, аналогичные свойствам целого класса слов и отличные от свойств другого класса слов. Если бы слова какого-нибудь языка по характеру своих связей и сочетаемости с другими словами¹ и с формальными элементами ничем не отличались бы друг от друга, тогда, конечно, не было бы оснований говорить о частях речи. Но коль скоро у каждого класса слов имеется общность признаков, именно эта общность и свидетельствует о наличии общ е г о в значении конкретных слов, входящих в тот или иной класс.

В этом смысле вопрос о частях речи, по нашему мнению, не есть обязательно вопрос морфологический, если понимать под морфологией учение о строении и изменении слова. В языке могут отсутствовать морфологические явления, и тем не менее существование частей речи возможно, т. е. слова могут иметь совершенно определенную грамматическую характеристику. При этом нет никакой необходимости обязательно как-то расширять объем морфологии (как это делают, например, китайские лингвисты Вэнь Лянь и Ху Фу) и включать в нее такие синтаксические явления, как сочетаемость, взаимосвязи, функции, порядок слов и т. п.

Если в китайском языке слова объективно, с а м и п о с е б е обладают свойствами частей речи (хотя и лишены морфологических признаков), то для разграничения их по частям речи мы можем с успехом использовать синтаксические свойства слов, т. е. учитывать их сочетаемость, взаимосвязи и пр.² Синтаксические свойства слов в своей совокупности могут служить, как говорил Л. В. Шерба, «формальными признаками» частей речи («общей грамматической категории»), но отождествлять их с формой не следует.

Возникает, однако, вопрос: обладают ли китайские слова формой в собственном морфологическом смысле слова? Фактически все современные синологи признают, что в китайском языке имеются морфологические явления (объем морфологии, как это отмечалось выше, некоторыми из них расширяется за счет включения синтаксических явлений). Но многие синологи полагают, что собственно морфологических признаков китайские слова имеют очень мало и основываться на них при классификации слов по частям речи невозможно. Мы позволим себе высказать наши соображения по этому вопросу.

¹ Речь идет, разумеется, не о смысловой совместимости или несовместимости.

² Как известно, эти свойства использовал А. А. Драгунов, а в настоящее время — многие китайские лингвисты.

Некоторые морфологические признаки частей речи в китайском языке

Результаты исследований ряда китайских и советских синологов позволяют рассматривать морфемы *ла*, *чжо* и *го*¹ как глагольные суффиксы, служащие для выражения значения вида². Эти морфемы не имеют лексического значения, не способны к самостоятельному функционированию в предложении и фонетически сливаются с теми словами, к которым они относятся. В то же время, сливаясь со словом (глаголом), каждая из этих морфем вносит в него добавочное грамматическое значение того или иного вида: *кань* «смотреть», «читать»; ср. *каньла* «посмотрел», *каньчжо* «смотрит», *каньго* «смотрел», «приходилось смотреть». И у *кань*, и у *каньла*, и у *каньчжо*, и у *каньго* лексическое значение остается одним и тем же, модифицируется лишь грамматическое. Следовательно, есть основания полагать, что *кань*, *каньла*, *каньчжо*, *каньго* являются не разными словами, а разными формами одного и того же слова³. Исходя из того, что *кань*, не имеющее при себе какого-либо из указанных суффиксов, в предложении выражает видовое значение несовершенного вида (в трактовке одних грамматистов⁴), или «общего вида» (по терминологии других⁵) и это добавочное видовое значение выражается именно за счет отсутствия суффикса, можно предположить, что в ряду форм *кань*, *каньла*, *каньчжо*, *каньго* первая является нулевой формой⁶. Именно эта форма и есть словарная форма китайского глагола. Следовательно, имеются все основания считать, что китайский глагол обладает системой форм, образующих единство.

Форм у китайских глаголов имеется немного. Однако эти формы, или, по крайней мере формы, образованные посредством суффиксов *ла*, *го*, *чжо*, присущи подавляющему большинству глаголов (исключение состав-

¹ Следует различать знаменательный глагол *го* «проходить», с одной стороны, и морфему *го*, не имеющую лексического значения и, как правило, фонетически редуцированную, с другой. Этимологически морфема *го*, повидимому, восходит к глаголу *го* «проходить».

² В книге Ван Ли «Чжунго сяндай юйфа» *чжо* рассматривается как выразитель продолженного вида (т. I, стр. 313), а *ла* — как выразитель совершенного вида (т. I, стр. 316). В «Лекциях по грамматике и стилистике» Люй Шу-сяна и Чжу Дэ-си (Пекин, 1954) глагольные суффиксы *ла* и *чжо* трактуются соответственно как выразители завершенности и продолженности действия (стр. 109—111). В упоминавшемся выше «Учебнике китайского языка» под ред. Н. Н. Короткова суффиксы *ла*, *го*, *чжо* трактуются соответственно как выразители совершенного вида, неопределенно-многократного вида и продолженного вида (стр. 201, 213, 241). См. также Юй Минь, «Формы китайского глагола, «Юйвэнь сюэси» («Языковая учеба»), 1954, апрель и работы других авторов.

³ Надо отметить, что в русском языке образование в и д о в ы х различий часто связано с изменением вещественного значения глагола и, следовательно, с образованием новых слов. Поэтому в русском языке, по мнению, например, акад. В. В. Виноградова, образование видов — явление, лежащее на границе словообразования и формообразования (словоизменения). В русском языке совершенный вид образуется при помощи ряда разных средств. При этом не все средства действительны для всех глаголов. В китайском же языке совершенный вид образуется одинаково почти для всех глаголов за счет суффикса *ла*. Точно так же почти все глаголы принимают суффиксы *чжо* и *го*. В этом отношении образованные в и д о в ы в китайском языке отличаются от образования видов в русском. Помимо указанных суффиксов, в китайском языке имеются суффиксы типа *шан*, которые, видоизменяя видовое значение, в известной мере меняют также и вещественное значение слов (*ай* «любить», *айшан* «взлюбиться»). Здесь, повидимому, начинается пограничная область формообразования и словообразования.

⁴ В «Учебнике китайского языка» под ред. Н. Н. Короткова указывается, что «в утвердительном предложении несовершенный вид выражается отсутствием суффикса при глаголе» (стр. 200).

⁵ Ван Ли считает, что глагол без суффикса выражает «общий вид» («путун мао»). См. его книгу «Чжунго сяндай юйфа», стр. 317.

⁶ К китайскому языку понятие нулевой формы (или отрицательного оформления) было применено впервые в кандидатской диссертации Н. Н. Короткова «Стадиальность в развитии предложения и пути выделения глагола в китайском языке» (М., 1946, стр. 146).

ляют модальные глаголы, а также некоторые глаголы, не совместимые с тем или иным видовым значением и, следовательно, не способные принимать тот или иной суффикс). Если одно слово обладает хотя бы двумя разными формами, то это уже парадигма форм, на которую можно опираться при определении принадлежности данного слова к части речи.

Некоторых лингвистов, например, проф. Гао Мин-кая, смущает, что ни у глагола *цзоу* «идти» (или *кань* «смотреть», «читать»), ни у существительного *жэнь* «человек» и т. п. нельзя обнаружить никаких внешних морфологических признаков, которые показывали бы их принадлежность к разным частям речи. Но если действительно китайский глагол представляет систему и единство своих разных форм, то нас не должно смущать, что в «нулевой форме» он не имеет материально выраженного суффикса, отличающего его от существительного. Чтобы отличать глагол от существительного, следует сравнить с существительным не нулевую форму, выраженную за счет «нулевого» суффикса, а какую-либо другую. Например, можно сравнить слово *жэнь* не с нулевой формой *цзоу*, а с формой *цзоула* или с формой *цзоучжо* и т. п. Если при этом помнить, что, например, *цзоула* является всего лишь одной из форм глагола *цзоу*, которую мы берем в качестве представителя всей системы этого глагола, то можно констатировать, что данный глагол отличается от существительного как раз за счет «внешнего морфологического признака». На основании этого сопоставления можно утверждать, что соответствующие существительное и глагол не различаются за счет «внешнего морфологического признака», лишь когда они взяты в их нулевых, словарных формах.

Известно, что перечисленные глагольные суффиксы иногда встречаются и при прилагательных, например: *Та цунлай мэю хунго лян* «Он никогда не краснел»; *Ваньшан фын дала* «Вечером ветер усилился»; *чичжо шаньти* «будучи обнаженным» (дословно: «обнажив тело»). В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать морфологическими признаками глагола такие суффиксы, которые употребляются не только при глаголах, но и при прилагательных? Употребление суффиксов *ла*, *чжо*, *го*, *цилай* с прилагательными, вообще говоря, требует специального рассмотрения. Однако уже сейчас можно констатировать следующее. Суффиксы *чжо* и *го* встречаются с прилагательными крайне редко и, кроме того, — с весьма ограниченным кругом прилагательных (в глаголах же употребление этих суффиксов обычно)¹. Присоединяясь к прилагательному, оба эти суффикса как бы «оглаголивают» его: при помощи суффикса *чжо* качество представляется в виде длежащего состояния, посредством *го* — в виде действия, повторенного неопределенное количество раз в прошлом. Не исключено, что упомянутые суффиксы при прилагательных играют не формообразующую, а словообразовательную роль. Что касается суффиксов *ла* и *цилай*, которые довольно часто встречаются после прилагательных, то присоединение их, как отмечалось выше, создает значение «становления», «бытия», но не вида, что имеет место при употреблении этих суффиксов с глаголами.

Как видим, во-первых, употребление указанных суффиксов при прилагательных не составляет правильной парадигмы, и, во-вторых, значение образования прилагательное + суффикс *ла* или *цилай* отлично от значения образования глагол + соответствующий суффикс.

Исходя из сказанного, мы считаем, что суффиксы *ла*, *го*, *чжо* как выразители видовых значений могут и должны рассматриваться в качестве морфологических показателей глагола как особой части речи.

¹ Нам известно употребление суффикса *го* лишь с прилагательными *хун* «красный» и *лэн* «холодный».

Морфологические показатели глагола не исчерпываются этими суффиксами. В советской синологии была сделана попытка обосновать наличие у китайского глагола самостоятельной грамматической категории страдательного залога, выраженной аналитически посредством морфемы *бэй*¹. Согласно этой точке зрения, морфема *бэй* характеризуется синтаксической отдельностью, неспособностью функционировать вне связи с соответствующим глаголом, отсутствием частного и конкретного (лексического) значения, наличием грамматического значения страдательного залога, которое она привносит в глагол, и, следовательно, способностью изменять направление действия глагола. Надо отметить, что не все синологи разделяют эту точку зрения: многие считают *бэй* вспомогательным глаголом.

Повтор глагольной морфемы ряд исследователей (Ван Ли, Юй Минь, Н. Н. Коротков и др.) рассматривают как выразитель значения вида. Основываясь на этом мнении, можно предполагать, что повторы являются морфологическими показателями глагола. Можно ли говорить о морфологических показателях других частей речи в китайском языке? Не ставя своей целью подробно осветить этот вопрос, мы хотели бы здесь остановиться на некоторых грамматических явлениях, которые, на наш взгляд, носят морфологический характер и представляют собой морфологические признаки частей речи.

Прилагательные, как известно, обладают формами повтора, служащими для выражения интенсификации качества. Формы повтора односложных и многосложных прилагательных, как известно, обладают совершенно определенной фонетической структурой: фиксированной позицией силового ударения и определенным распределением музыкальных ударений (тонов)². Кроме того, некоторые советские исследователи рассматривают соединение прилагательного со служебным элементом *ды* (ср. *бай* — *байды* «белый», *хун* — *хунды* «красный», *да* — *дады* «большой», *ганьцзин* *ганьцзинды* «чистый» и т. п.) как полную форму прилагательных, соотносительную с их краткой формой³. Этому же мнению придерживаются многие китайские лингвисты, которые также считают прилагательное, снабженное *ды*, единым словом — прилагательным, а *ды* — суффиксом прилагательных⁴.

Однако эту точку зрения разделяют не все лингвисты. Так, Ю. В. Рождественский считает *ды* при прилагательных тем же самым элементом, что и при любой другой знаменательной части речи. Согласно его мнению, прилагательное, снабженное *ды*, не есть единое слово; что же касается *ды*, то оно представляет собой всего лишь синтаксическое служебное слово и предназначается для выражения категории детерминирующих определений, в качестве которых могут выступать любые части речи⁵.

¹ См. Н. Солнцева, Категория страдательного залога в современном литературном китайском языке. Канд. дисс., М., 1953.

² См. А. А. Драгунов, указ. соч., стр. 169.

³ См., например, И. Овчинн, Учебник китайского языка, М., 1946. В пользу суффиксального характера *ды* при прилагательном можно привести следующие соображения. Во-первых, *ды* при прилагательном фонетически сливается с ним в один звуковой комплекс. Во-вторых, употребление полной формы отличается от употребления краткой: краткая форма употребляется в качестве «нейтрального» определения и бессвязочного сказуемого, полная же форма — как подчеркнутое, детерминирующее определение, а также в роли именной части связочного сказуемого.

⁴ Такую мысль, например, высказывает проф. Ли Цзинь-си в своей книге «Сяньчжу гоюй вэньфа» («Грамматика современного литературного языка») (Шанхай, 1933, стр. 158). Проф. Люй Шу-сян в своей работе «Чжунго вэньфа яолуе» («Основы китайской грамматики») (Шанхай, 1953) также отмечает, что в современном китайском языке *ды* при прилагательных приобретает суффиксальный характер.

⁵ См. Ю. В. Рождественский, Служебное слово *ды* в современном китайском языке. Канд. дисс., М., 1955.

Что касается существительных, то они (правда, далеко не все) характеризуются серией словообразовательных суффиксов (*цзы, эр, тоу, чжэ, цзя*), так называемых «полуаффиксов» (*юань, цзян, син* и т. п.), а также формообразующим аффиксом *мынь* → *мнь*, который служит для образования множественного числа существительных, обозначающих лица (на-пример, *тунчжимынь* «товарищи», *хайцзымынь* «дети» и т. п.).

Аффиксы и «полуаффиксы» существительных имеют ряд особенностей. В частности, аффиксы *цзы, эр* и *тоу* в ряде случаев, по сути дела, служат не для образования лексически новых слов, а для изменения формы существования ранее имевшихся в языке бессуффиксальных существительных (*фан* → *фанцзы* «дом», *пу* → *пуцзы* «лавка», «магазин», *шулинь* → *шулиньцзы* «лес» и т. п.). В этой своей функции перечисленные аффиксы играют роль «чистых» показателей предметности и служат целям своеобразного диахронического формообразования. Так называемые «полуаффиксы» в современном китайском языке характеризуются прозрачностью своей этимологической связи с знаменательными морфемами, которые при образовании сложных слов используются в качестве компонентов. Их можно сравнить с немецким суффиксом *танн* в словах типа *Kaufmann*.

Собственно формообразующим аффиксом существительных является *мынь*, который служит для выражения множественного числа только имен существительных, обозначающих лица. Это употребление *мынь* многими спинологами считается факультативным на том основании, что идея множественности может быть выражена иными средствами, например, при помощи местоименного слова *ду* (ср. *сюешэнмынь лайла* «учащиеся пришли») и *сюешэн ду лайла* «учащиеся все пришли»). Надо отметить, что в синологии еще не проводилось специального исследования условий оформления существительных суффиксом *мынь*. Однако известно, что употребление или опущение *мынь* связано с отсутствием или наличием перед существительным определений-числительных, указывающих на конкретное число единиц. В случае наличия числового определения *мынь* не употребляется: *саньгэ сюешэн лайла* «три студента пришли»¹. По нашим наблюдениям, в китайском языке имеется тенденция использовать *мынь* для выражения множественности в тех случаях, когда речь идет о совокупности конкретных лиц, а не о совокупности «лиц» вообще.

Имеются основания считать, что существительные обладают, кроме того, аналитической формой единичности, которая выражается при помощи счетно-указательной морфемы *гэ* (или любой из специализированных счетных морфем). Морфема *гэ* занимает место между числительным и существительным, причем *гэ* фонетически примыкает к числительному, хотя грамматически относится к существительному, выражая значение «единичности», «штучности». Характерно, что для выражения значения «каждый» в тех существительных, которые не способны иметь форму редупликации, может быть повторена соответствующая счетная морфема: *чжан-чжан чжоуцзы* «каждый стол».

Определьный интерес для морфологического исследования представляют китайские числительные. Известно, что при математическом счете числительные употребляются в том виде, в каком они помещаются в словаре: *и* «один», *эр* «два», *сань* «три» и т. п. При предметном же счете числительные всегда снабжаются морфемой *гэ* (этимологически «штука») или же одним из так называемых «счетных слов» (ср. *игэ* «один», *саньгэ* «три» и т. п.). Для обозначения числительных, употребляемых соответственно при математическом и предметном счете, А. А. Драгунов ввел тер-

¹ См. Л ю й Ш у - с я н, Ханьюй юйфа луньвэнь цзи (Сб. статей по грамматике китайского языка), Пекин, Кэсюэ чубаньшэ, 1955, стр. 145—168 («Относительно *мынь*»).

мины «краткая форма» и «полная форма»¹. Под термином «форма» в данном случае А. А. Драгунов понимал облик слова, а не «грамматическую форму слова», входящую в состав парадигмы формообразования, и не ставил вопроса о возможности рассматривать китайское числительное как часть речи, характеризующуюся системой разных грамматических форм². Морфологический анализ *э* при числительных тем более интересен, что *э* (и его заместители) в грамматическом отношении относятся также к последующему существительному.

До проведения соответствующих исследований, быть может, преждевременно утверждать, что в с е перечисленные выше грамматические явления суть явления морфологические, однако их вряд ли можно игнорировать при изучении морфологических признаков китайских частей речи.

Понятия слова, основы, корня в китайском языке и проблема конверсии частей речи

Понимание китайского слова как системы соотносительных и функционально объединенных форм позволяет сделать попытку провести разграничение в китайском языке таких понятий, как слово, основа и корень. Эти понятия применительно к китайскому языку как в традиционной синологии, так и в общем языкознании не разграничивались. Китайский язык относили обычно к корнесловным языкам, т. е. к таким, в которых слова, основы и корни суть понятия идентичные³. Разграничение этих понятий (если, конечно, они различаются в «материи и форме» самого китайского языка) должно иметь большое значение для понимания грамматической природы слова и тем самым для освещения еще одной из сторон проблемы частей речи. В настоящей статье проблема разграничения слова, основы и корня будет рассмотрена в самых общих чертах — в той мере, в какой это необходимо для освещения основной темы статьи.

Рассмотрим сначала вопрос о сл о в е и о с н о в е в китайском языке. Разграничить понятия слова и основы возможно в том случае, если слово способно изменять свою форму. Основа входит во все формы одного и того же слова как неизменяемая часть его. Если *кань*, *каньла*, *каньчжо*, *каньго* суть разные формы одного и того же слова, то, чтобы выделить основу, надо отбросить изменяющуюся часть. В этом случае выделится основа *кань-*, которая фонетически совпадает с «нулевой формой», отличаясь от нее отсутствием «нулевого показателя» и добавочного грамматического значения (несовершенного или так называемого общего вида). Тем самым создается возможность различать грамматически оформленное слово *кань* (нулевое оформление) и основу *кань-* как структурную часть слова в отвлечении от оформления (в данном случае от нулевого оформления). Поскольку основа является извлечением из ряда форм одного и того же слова как определенной части речи, постольку основа связана со значением определенной части речи. Это значит, что основы могут быть глагольными, именными, качественными и т. д.

В китайском языке основа может быть простой (неразложимой этимологически) и может быть сложной (разложимой этимологически). Простые основы китайского языка большей частью односложны. Сложные основы состоят обычно из ряда корней и выделяются на фоне ряда форм сложного слова. Например, на фоне двух форм *дайбяо* «делегат» («нулевая фор-

¹ См. А. А. Драгунов, указ. соч., стр. 192.

² В этом же плане представляет интерес порядковая форма числительных, образуемая путем присоединения к количественному числительному префикса *ди* (*диугэ* «пятой», *дилюгэ* «шестой»).

³ См., например, А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., 1953, стр. 183.

ма) и *дайбяо*мынь «делегаты» (аффиксальная форма) выделяется сложная основа *дайбяо*.

Так в самых общих чертах обстоит дело с проблемой слова и основы в китайском языке. Основа выделяется на фоне формообразования, т. е. таких изменений слов, которые не ведут к образованию новых слов. Учет явлений словообразования, т. е. изменений слов, ведущих к образованию новых слов, дает возможность определить понятие корня применительно к китайскому языку и отграничить корень соответственно от слова и от основы.

Как известно, от ряда глагольных и качественных основ в китайском языке посредством *-цзы* и некоторых других суффиксов могут быть образованы существительные. Например, *пан* «толстый» + *цзы* → *панцзы* «толстяк», *тоу* «бросать» + *цзы* → *тоуцзы* «игральная кость» и т. д. Общим элементом прилагательного *пан* и существительного *панцзы* является *пан*. Этот общий элемент определяет лексическое значение каждого из взятых слов и обеспечивает их лексическое родство, являясь, таким образом, корнем обоих. В слове *пан* «толстый» корень фонетически совпадает и с основой слова, и с «нулевой формой». В слове *панцзы* «толстяк» корень не совпадает ни с основой, ни с «нулевой формой». Основа слова *панцзы* является производной, так как включает в себя словообразовательный аффикс *-цзы*, и выводится она из сравнения разных форм этого слова: *панцзы* «толстяк», *панцзымынь* «толстяки».

В отличие от основы, корень не связан непосредственно со значением определенной части речи, хотя один и тот же корень может входить в слова одного и того же разряда. Например, у существительных *дан* «партия» и *дансин* «партийность» имеется общий корень *дан*.

Однако аффиксальное словообразование имеет в китайском языке сравнительно ограниченное распространение. Понятие корня, вообще говоря, выводится из анализа не только аффиксального словообразования, но и словообразования путем так называемой конверсии; об этом см. ниже. Пока же нам надо было ввести понятие корня и показать его отличие от основы.

Понимание китайского слова как системы форм, разграничение понятий слова, основы и корня позволяет, как нам кажется, предложить решение одного из спорных вопросов проблемы частей речи в китайском языке, а именно вопроса о так называемом употреблении одного слова в функции разных частей речи, т. е. вопроса о так называемой принадлежности одного слова одновременно к двум (а то и к трем) частям речи.

Во многих китаеведческих работах отмечается, что большое количество слов может употребляться в качестве как существительных, так и глаголов. Например, указывается, что слово *цзюй* может означать и «пила», и «пилить», слово *цзучжи* — и «организация», и «организовать», слово *дайбяо* — и «делегат», и «представлять кого-либо», *таолунь* — и «обсуждать», и «обсуждение» и т. п.

Рассмотрим соответствующие пары *цзюй* «пила» и *цзюй* «пилить», *дайбяо* «делегат» и *дайбяо* «представлять кого-либо». Каждое из двух слов пары обладает с в о е й системой форм и синтаксических признаков. Так, слово *цзюй* «пилить» наряду со своей нулевой формой (*цзюй*) обладает также и рядом других форм (*цзюйла*, *цзюйчжо*). Этих форм не имеет и не может иметь слово *цзюй* «пила». Но последнее обладает аналитической формой единичности — *и-ба цзюй* «одна пила», — которую ни при каких условиях не может иметь глагол. Если вопрос об аналитической форме единичности является еще спорным, то всеми синологами признается возможность употребления т о л ь к о перед существительными так называемых счетных морфем (в приведенном примере *ба*). По внешнему

облику *цзюй* «пила» и *цзюй* «пилить» действительно не отличаются друг от друга. Но ведь *цзюй* является всего лишь одной из форм ряда *цзюйла*, *цзюйчжо*. Любая из форм слова *цзюй*, кроме словарной, вполне осязаемо, «внешне» отличается от слова *цзюй* «пила». Поскольку любая из форм есть представитель слова как системы форм, то сравнивать можно, например, *цзюйчжо* (одна из форм глагола) и *цзюй* «пила». Материальное различие налицо. Отсюда следует, что *цзюй* «пила» и *цзюй* «пилить» — это не одно слово, а разные слова с разным лексическим и грамматическим значением. Они совпадают в своих словарных («нулевых») формах, но различаются материально, когда берутся в разных формах или же когда сопоставляются системы форм.

Таким же образом обстоит дело с парой *дайбяо* «делегат» и *дайбяо* «представлять кого-либо». Эти слова соответственно имеют формы *дайбяо—дайбяомынь* («делегат» — «делегаты»); *дайбяо — дайбяочжо* (формы совершенного и продолженного видов). Если сравнить формы *дайбяомынь* и *дайбяочжо*, их материальное различие будет совершенно очевидным.

Перечисленные пары являются разными словами, относящимися к разным частям речи, в данном случае к существительным и глаголам. Следует заметить, что каждое из слов такой пары ведет себя точно так же, как ведут себя существительные и глаголы, которые не имеют подобных пар или, пользуясь традиционной терминологией, могут быть «только существительными» либо «только глаголами». Такое явление некоторыми исследователями рассматривается как явление словообразования и называется конверсией¹. Словообразовательным средством здесь является система форм.

Явление конверсии не исключает, конечно, возможности использовать часть речи А в каком-либо специальном контексте и при определенных условиях в функции части речи В, на что справедливо указывают китайские лингвисты и, в частности, проф. Люй Шу-сян². Однако от этой части речи А не становится частью речи В.

Что объединяет такие пары грамматически различных слов? Их объединяет общий корень. Так, и у существительного *цзюй* «пила», и у глагола *цзюй* «пилить» — общий корень *цзюй*, но основы разные: у существительного — именная основа, у глагола — глагольная.

В сложных словах, например *дайбяо* «делегат» и *дайбяо* «представлять кого-либо», имеется общий двусложный элемент *дайбяо*, который выступает в роли своего рода «сложного корня»³. Вместе с тем эти слова, будучи разными словами, обладают и р а з л и ч н ы м и основами — глагольной и именной.

Мы разобрали выше проблему конверсии лишь применительно к существительным и глаголам. Надо сказать, что вопрос о конверсии других частей речи остается еще не изученным. Что же касается существительных и глаголов, то здесь о конверсии как словообразовательном приеме, видимо, можно говорить лишь тогда, когда подобные пары слов обладают ясно выраженными системами форм (характеризующих, по крайней мере, одно слово пары) и системой формальных синтаксических признаков.

¹ См., например, А. И. Смирнички, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1953, № 5.

² См. Люй Шу-сян, Некоторые принципиальные проблемы частей речи в китайском языке, «Чжунго юйвэнь», 1954, октябрь (№ 28).

³ Употребление здесь термина «корень» расходится с пониманием этого термина, принятого в общем языковедении, где корень определяется как этимологически неразложимый элемент.

Структура сложного слова и принадлежность слова к части речи

На наш взгляд, область морфологии современного китайского языка далеко не ограничивается аффиксацией. Прямое отношение к морфологии имеет структура сложных слов, составляющих значительную часть всего словарного состава китайского языка¹.

В работах советских синологов Е. Д. Поливанова и И. М. Опанина намечены основные типы сложных слов: А — слова со структурной атрибутивной связью между компонентами, В — слова со структурной копулятивной связью между компонентами, С — слова с глагольно-объектной связью между компонентами, Д — слова с результативной связью между компонентами².

Главный способ образования новых многосложных слов в китайском языке — это способ словосложения. Слова эти образуются по основным структурным типам (А, В, С, Д), которые являются словообразовательными моделями. В понятие структуры сложного слова включается не только соотношение компонентов, но и их характер, их грамматическая природа³.

При образовании сложных слов складываются не те или иные функциональные формы слов, а основы (материально совпадающие с нулевой формой) этих слов; при этом особо подчеркнем, что складываются именно основы, а не корни. Как говорилось выше, основа слова связана со значением части речи, корень же не связан. В формировании структуры сложного слова решающую роль играет грамматическое значение компонента, его связь со значением той или иной части речи. Ниже мы попытаемся проиллюстрировать эти соображения на примерах.

Многосложные слова, составляющие большинство слов китайского языка, делятся на: 1) слова, состоящие из корня и аффикса (таких сравнительно немного), и 2) собственно сложные слова. Последние в свою очередь делятся на слова, этимологически разложимые (таковых большинство)⁴ и этимологически неразложимые (типа *боли «стекло», лобо «редька», хэшан «монах»* и т. п.).

В словах этимологически разложимых можно достаточно определенно установить, что принадлежность многосложного слова к той или иной части речи зависит от его структуры, т. е. от характера входящих в его состав основ и соотношения его частей. Так, всегда являются существительными сложные слова, второй компонент которых — именная основа, а первый — именная, качественная или (редко) глагольная основа, уточняющая, конкретизирующая первую. Например, *гунчан «завод»* (этимолог. «работа» + «завод», «мастерская»), *чочэ «поезд»* (этимолог.

¹ Мысль о связи структуры многосложного слова с грамматическими свойствами слова в известной мере проводится в работах некоторых синологов. См., например, А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930, стр. 240—263, где говорится о «глагольных инкорпорациях» и «атрибутивно-именных инкорпорациях». Ср. также J. Chmielewski, Zagadnienie tzw. części mowy w języku chińskim (II), стр. 152, где отмечается, что в историческом плане принадлежность сложного слова (возникшего из словосочетания) к части речи определяется грамматическим характером составных членов сочетания и, что особенно важно, характером синтаксической связи, соединяющей эти члены.

² См.: Е. Д. Поливанов, указ. соч., стр. 240—263; И. Опанин, Слово и часть речи в китайском языке. Докт. дисс., М., 1946.

³ Ср. «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 273.

⁴ Здесь и ниже речь идет об этимологическом анализе, а не о живом восприятии. Говорящий, конечно, ни в малейшей мере не задумывается над структурой того или много слова.

«огонь» + «повозка»), *байцай* «капуста» (этимолог. «белый» + «овощи»), *ээнню* «вол», «буйвол» (этимолог. «пахать» + «корова»¹). Слова этого типа по номенклатуре И. М. Ошанина относятся к типу А.

Сложные слова, состоящие из двух равноценных именных основ, обычно синонимичных или антонимичных, также всегда являются существительными. Например, *фуму* «родители» (этимолог. «отец» + «мать»), *лэнью* «друг» (этимолог. «друг» + «приятель») и т. д. По номенклатуре И. М. Ошанина такие слова относятся к типу В.

Слова, первый компонент которых — глагольная основа, а второй — глагольная или качественная, обозначающая результат действия первой, всегда являются глаголами. У таких сложных глаголов уже в самой их структуре заключается значение результативности действия. Например, *похуай* «сломать» (этимолог. «порвать» + «плохой»), *дадао* «свергнуть» (этимолог. «бить» + «опрокидывать») и т. д. Подобные слова относятся к типу D.

Сравнительно мало продуктивной является модель С. Сюда относятся многосложные слова, первый компонент которых — глагольная основа, второй — именная. Из них первая основа обозначает действие, вторая — его объект. Сюда относятся слова типа *няньшу* «учиться» (этимолог. «читать книгу»), *чифань* «кушать» (этимолог. «есть вареный рис»). Единицы подобного типа, как правило, в силу своей структуры являются глагольными образованиями. В данный момент мы отвлекаемся от вопроса о том, являются ли они словами или словосочетаниями. Нам важно отметить, что в живой речи они ведут себя подобно глаголам. В любом случае такие образования являются единицами словаря — будь они словами или лексикализованными словосочетаниями².

Особый характер имеет структура, образованная равноценным (парным) соотношением двух глагольных основ. Это слова типа *шэнчань* «производить», *таолунь* «обсуждать», *дайбяо* «представлять кого-либо». Слова этого рода по характеру соотношения относятся к типу В. Их особенность заключается в том, что, возникшая как глаголы, они способны к конверсии и служат базой для массового создания отглагольных существительных. Отличительный признак этих слов — наличие двух глагольных основ: *шэнчань* «производить» состоит из двух глагольных основ *шэн* «рождать» и *чань* «порождать». Корень же *чань* может иногда выступать и в роли именно основы, как, например, в слове *гунчаньдан* «компартия», где *чань* является одной из именных основ. Таким образом, корень, являющийся компонентом сложного слова, сам по себе может не быть глагольным: на его базе может существовать и глагольная, и имен-

¹ В последнем случае, т. е. когда первая основа является глагольной, особенно ясно видна разница между глаголом как определением к существительному и глагольной основой перед именной в составе сложного слова. По правилу китайского синтаксиса глагол в определении к существительному обязательно имеет после себя морфему *ды*. В противном случае глагол с последующим существительным вступает не в атрибутивные отношения, а либо в объектные (переходный глагол), либо субъектные (непереходный глагол).

² Надо отметить, что само признание подобных образований словами — дискуссионно. Образования этого типа свободно разлагаются в речи на свои составляющие части; компоненты при этом как бы восстанавливают качество слов: *няньла саньяньды шу* «проучился три года» (буквально: «читал трехлетнюю книгу»). Эта особенность дает известные основания рассматривать образования типа *няньшу* как лексикализованные словосочетания [впрочем, некоторую аналогию можно провести здесь с английскими образованиями типа *myself* (но ср. *my own self*), которые относят к словам]. Лишь небольшая часть образований этого типа не допускает разрыва между компонентами и бесспорно представляет собой слова, как правило, глаголы (например, *чжидао* «знать»). В настоящей статье, однако, речь не идет о различии между словом и словосочетанием.

ная основа. Однако при образовании сложных слов указанного типа берутся именно глагольные основы.

Суммируя, можно отметить, что как сложные глаголы, так и сложные прилагательные характеризуются своими собственными структурными признаками. Именно поэтому структура сложных слов может рассматриваться как известный морфологический признак, указывающий на принадлежность слова к той или иной части речи даже в том случае, когда слово не имеет при себе аффиксов, т. е. берется в своей словарной форме. Исключение составляет структура типа В с двумя глагольными основами, поскольку практически все слова этого типа способны к конверсии.

Насколько нам удалось проследить, в китайском языке наблюдается следующая тенденция образования новых слов путем конверсии. От односложных глаголов почти не образуется односложных существительных. Наоборот, односложные существительные довольно часто порождают односложные глаголы. В сложных словах — картина обратная. От сложных глаголов в массовом количестве образуются сложные существительные (исключение составляют так называемые результативные глаголы типа D). От сложных существительных сложные глаголы не образуются почти совсем.

В настоящей статье мы не касались вопроса об общих критериях выделения частей речи, поскольку наша работа собственно посвящена уяснению тех оснований, на которые можно опираться, выделяя части речи в китайском языке. Видимо, имеется один критерий — совокупность грамматических (т. е. морфологических и синтаксических) свойств, отличающих большие группы слов друг от друга. Что же важнее — морфологические или синтаксические признаки, вопрос, как нам кажется, праздный. Необходим учет и того, и другого.